

Государственная молодежная политика: к вопросу о категориально-понятийном аппарате исследования проблемы

Меркулов Павел Александрович

Орловский филиал РАНХиГС
Заведующий кафедрой политологии и государственной политики
Кандидат философских наук, доцент
oo@orel.ranepa.ru

РЕФЕРАТ

В статье доказывается необходимость уточнения категориально-понятийного аппарата изучения государственной молодежной политики в России, что, по мнению автора, позволит выявить отдельные элементы государственного (эффективного и негативного) воздействия на молодежь как особую социальную группу российского общества. В данной связи автор предлагает свою трактовку содержания понятий: «молодежь», «политика», «государственная политика», «государственная молодежная политика», «негативная молодежная политика», «сословная молодежная политика».

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

молодежь, политика, государственная политика, государственная молодежная политика, сословные группы, студенчество, сословная молодежная политика

Merkulov P. A.

State Youth Policy: to the Question of the Categorical Conceptual Framework of Research of the Problem

Merkulov Pavel Alexandrovich

Oryol branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Oryol, Russian Federation)
Head of Chair of Political Science and Public Policy
PhD in Philosophy, Associate Professor
oo@orel.ranepa.ru

ABSTRACT

The article proves the need to clarify the conceptual apparatus of study of the state youth policy in Russia which according to the author will identify the individual elements of the state (effective and negative) impact on young people as a specific social group in Russian society. In this context, the author offers his own interpretation of the content of the concepts of «youth», «policy», «public policy», «state youth policy», «negative youth policy», «social class youth policy».

KEYWORDS

youth, politics, public policy, state youth policy, class groups, students, youth policy social classes

В России в условиях новой социально-политической, нравственной и информационной ситуации происходят динамичные и глубокие изменения социальных характеристик молодого поколения. При этом выявились региональные, национальные, социально-экономические различия тех или иных групп молодежи. Отсюда перед обществом и государством возникает задача посредством продуманной, научно обоснованной молодежной политики создать благоприятные предпосылки для использования созидательной энергии молодежи и помочь молодым людям определить и реализовать

свои социальные интересы, потребности, жизненные перспективы. Как нам представляется, новая парадигма формирования молодежной политики и социального развития молодежи должна исходить из целей общественного развития и определяться новым типом складывающейся социальной среды.

Наша авторская позиция заключается в том, что в определение государственной молодежной политики в рамках исторического научного исследования, основанного на широком привлечении междисциплинарного методологического инструментария, результатах других отраслей гуманитарного знания, следует включить концептуальные ориентиры на такие понятия, как «молодежь», «политика», «государственная политика», «государственная молодежная политика», «негативная молодежная политика», «сословная молодежная политика».

В данном контексте предлагается авторская трактовка молодежи как отдельной социальной группы, чьи базовые половозрастные и коррелирующие с ними социальные характеристики находят отражение в нормативно-правовой базе и являются объектом целенаправленного управленческого воздействия со стороны органов общей и/или специальной компетенции. В рамках данного толкования мы умышленно отказались от указания на возрастные характеристики молодежи, так как это один из наиболее неустойчивых критериев, подверженных изменению под воздействием совокупности как объективных, так и субъективных факторов. Отсутствует в предлагаемой нами трактовке молодежи и оценочная составляющая государственной молодежной политики. Это сделано прежде всего в силу того, что любая ретроспекция в части оценочных определений связана с экстраполяцией современных ценностей на иные эпохи, что подразумевает неизбежную субъективность. Тем не менее, прежде чем говорить о понятии государственной молодежной политики, необходимо рассмотреть также связанные с данным понятием категории «политика» и «государственная политика».

Подобная необходимость объясняется не только постоянно возрастающим влиянием политики на общественную жизнь, но и тем, что она становится все более решающим фактором управления социально-экономическими процессами.

В исторической ретроспективе базовые тенденции в определении сущности политики так же, как и в области ее генезиса, могут быть обобщены в рамках совокупности различных теоретических подходов. К основным могут быть отнесены субстанциональный, институциональный, социологический и телеологический. Не углубляясь в сущность указанных подходов, отметим лишь, что наше понимание политики во многом соотносится с первым, так как субстанциональная трактовка политики непосредственным образом увязывает ее с понятием власти, определяя политику либо как управление при помощи власти, либо как стремление к обретению и сохранению таковой. С этим направлением ассоциируется понимание политики, представленное в работах, например, М. Вебера и К. Маркса.

Обобщая, можно сказать, что политика — это стремление к участию во власти или оказанию влияния на распределение власти, будь то между государствами или внутри государства между социальными группами его граждан. Поэтому существо политики концентрируется в сфере отношений и деятельности по руководству (управлению) обществом. Основным институтом управления всегда выступало и продолжает оставаться государство, являющееся выразителем всеобщих интересов населения в своей политике и по этой причине исполняющее интегрирующую роль в обществе. Недаром в большинстве политико-социологических и политологических исследований государство определяется как макрополитический институт общества, выражающий всеобщие интересы, закрепляющий политический статус народа, организованного в территориальной замкнутости, и осуществляющий верховную (императивную) власть и управление в каждой стране. Данный постулат выводит нас

на необходимость уточнения понятия политики в контексте осмысления другой категории — «государственная политика».

И раньше, и особенно в настоящее время государственная политика по сравнению с политической деятельностью любого другого института политического участия (партии, движения, профсоюзов) неизменно и отчетливо выражает всеобщие интересы населения и граждан в целом, является концентрированным их отражением. Этим она объективно способствует поддержанию и воспроизведению социально-политической целостности общества. Для выполнения такого предназначения государство создает соответствующую систему органов и учреждений власти, осуществляющих разработку и реализацию государственной политики. Поэтому, с учетом сказанного, на наш взгляд, само определение общего понятия политики должно отражать управленческую составляющую. С обществоведческой точки зрения политика — это властный способ организации общества, политический процесс достижения и поддержания его целостности на основе согласования разнообразных интересов, управление обществом со стороны политической элиты на основе институтов [1]. В приведенном понимании политики акцент делается на ее управленческом предназначении, которое в первую очередь проявляется в политико-управленческой деятельности государства, т. е. в государственной политике. И если политика осуществляется главным образом на основе использования государственной власти, то управление, как более общее по своему содержанию явление, предполагает применение власти в любых ее формах, включая политическую, социальную и др. При этом объекты управления и политики существенно не отличаются. На этой основе формируются разные виды государственной политики, в том числе и интересующая нас молодежная политика.

Тем не менее в содержании понятия «государственная политика», в классификации элементного состава системы государственной политики, а также в освещении специфики государственной политики России остается немало открытых вопросов.

В современной обществоведческой литературе сложились различные подходы к определению государственной политики. Например, в рамках теории Public Administration она истолковывается как чувствительная к общественным потребностям институционально-управленческая практика государственной бюрократии, направленная на эффективное и производительное удовлетворение общественных потребностей [20, р. 4]. Вместе с тем широко применяется понятие «governance», интерпретируемое в зарубежной политико-социологической литературе как политическое руководство [21]. Причем под руководством здесь понимается исключая голое администрирование консолидированная кооперация государственных и неправительственных институтов и структур по обеспечению удовлетворения общественно значимых потребностей. Следует также отметить, что нередко зарубежные авторы вышеназванное понятие отождествляют с категорией «Public Administration» [14, с. 5]. Наконец, в научном обороте применяется также выражение «publicpolicy», которое зачастую также интерпретируется как политика государства и других публичных политических организаций по удовлетворению потребностей населения [18, с. 262–269]. В силу сказанного понятие «publicpolicy» выражает не только содержание государственной политики, но и политико-управленческую деятельность многочисленных институтов и органов политической системы общества в целом. Вероятно, по этой причине такие признанные специалисты в данной области знаний, как И. Шаркански, Ж.-Э. Лейн, определяют государственную политику через деятельность правительства по подготовке и исполнению набора политических решений относительно размещения общественных ресурсов, производства, распределения и перераспределения общественных благ [там же, с. 264].

В соответствии с вышеизложенным государственная политика, на наш взгляд, может рассматриваться как процесс управляющего воздействия институтов государственной власти (прежде всего исполнительной) на основные сферы общества и соответствующие им виды общественных отношений при непосредственном применении государственно-властных полномочий по поводу разработки и реализации стратегии/тактики воздействия на все компоненты и аспекты функционирования различных подсистем общества посредством распределения и перераспределения общественных благ.

Иными словами, государственная политика — это целенаправленная деятельность органов государственной власти по решению общественных проблем, достижению и реализации общезначимых целей развития общества или его отдельных сфер. Она является средством, позволяющим государству достичь определенных целей в конкретной сфере общественного развития, используя правовые, экономические, административные методы воздействия, опираясь на ресурсы, которые имеются в его распоряжении.

Еще одним частным методологическим вопросом нашего исследования является конкретизация содержания понятия государственной молодежной политики. Вместе с тем отметим, что термин «государственная молодежная политика» имеет конвенциональное определение. Данное понятие впервые в России было нормативно определено в Законе СССР от 16 апреля 1991 г. № 2114-1 «Об общих началах государственной молодежной политики в СССР» (ст. 1). Молодежная политика определялась как важное направление деятельности Союза ССР и республик, осуществляемое их органами и имеющее целью создание социально-экономических, организационных, правовых условий и гарантий для социального становления и развития молодых граждан, их наиболее полной самореализации в интересах всего общества.

К числу фундаментальных работ в части определения понятия молодежной политики, анализа соответствующего понятийного аппарата, его теоретических основ относится монография В. А. Лукова «Теории молодежи: междисциплинарный анализ» [6]. В ней он определяет молодежную политику как «деятельность государства, политических партий, общественных объединений и других субъектов общественных отношений, имеющую целью определенным образом воздействовать на социализацию и социальное развитие молодежи и, как следствие этого, на будущее состояние общества» [6, с. 148]. Автор совершенно справедливо доказывает, что в условиях развитого гражданского общества и правового государства именно государственная молодежная политика выступает центральным звеном общественного влияния на становление молодого поколения. Строго говоря, поскольку в современном обществе именно право выступает базовым регулятором наиболее важных общественных отношений, то государство, которое выступает основным нормотворцем, определяет и правила игры для прочих субъектов молодежной политики. Соответственно место и роль иных субъектов молодежной политики в той или иной мере, но неизбежно опосредуется регулятивной ролью государства.

Исключительно ценным в методологическом отношении представляется и предлагаемая В. А. Луковым классификация основных концепций государственной молодежной политики, основанная на критериальных оценках места и роли государства в обеспечении прав и интересов молодежи. В. А. Луков ранжирует типы данного рода политики от минимального участия госструктур (модель США) до максимально четкой регламентации участия государства в данном процессе (скандинавская и западноевропейская модели). Между этими крайностями находятся выделяемые по тому же критерию промежуточные модели, к числу которых В. А. Луков относит и российскую модель, формирующуюся с 90-х гг. XX в.

Так или иначе молодежная политика не может быть сведена исключительно к правовой сфере. Она гораздо богаче по своему сущностному содержанию, и ори-

ентируется на оптимизацию целого ряда процессов в сфере экономического, политического и социокультурного развития молодежи как отдельной социальной группы. Действующие в государстве правовые нормы находятся в сложной системе взаимодействия с различными социетальными санкциями поощрения и наказания (демотивации). Таким образом, они призваны создать необходимый для социальной стабильности и социального прогресса уровень социальной лояльности, уровня возможностей реализации творческого потенциала молодежи или устойчивую социальную практику ее отстранения от активной социальной жизни.

Исходя из вышесказанного, государственную молодежную политику можно определить как деятельность органов государственного управления общей и/или специальной компетенции, реализующих определенный нормативно-правовой базой государства комплекс мер, направленных на обеспечение одобряемых (и демотивацию отрицаемых) обществом/государством типов социализации молодежи, чей статус социальной группы получает свое формально-юридическое закрепление.

Дополнительным априорным основанием к научному осмыслению понятийного аппарата исследований, посвященных государственной молодежной политике, выступает мысль об имманентном присутствии в любую историческую эпоху в государственной молодежной политике как позитивной, так и негативной составляющей. При этом, стремясь максимально к объективности, насколько это вообще возможно для гуманитарного научного исследования, чья природа предполагает постоянное присутствие авторской оценочной позиции, мы не даем положительных и отрицательных оценок той или иной составляющей. Вместе с тем полагаем необходимым отметить, что указание на наличие негативной составляющей государственной молодежной политики является методологически необходимым. Это связано с тем, что в отечественной исторической науке и близких к ней областях гуманитарного знания, устоялась точка зрения, согласно которой понятие молодежной политики не включало в себя комплекс нормативно-правовых мер, запрещающих (демотивирующих) такие типы социализации молодежи, которые квалифицируются государством как негативные для социума. Собственно говоря, указанную систему нормативно-правовых запретов в контексте государственной молодежной политики мы и трактуем как негативную молодежную политику.

Как отмечалось выше, анализ российского опыта исторической эволюции механизмов государственного воздействия на молодежь ставит перед исследователем целый комплекс вопросов, которые требуют своего научного разрешения. Так, например, остается дискуссионным вопрос о наличии молодежной политики в России до XIX в. Между тем имеется достаточное количество фактов, свидетельствующих о том, что в России доуниверситетского периода существовали механизмы государственного управляющего воздействия на молодых представителей различных сословных групп.

Обращение к ранним стадиям российской государственности не позволяет сколь-нибудь обоснованно говорить о выделении молодежи как особой социальной группы, чей правовой статус целенаправленно определяется государством для достижения постулированных целей [5, с. 86]. Государство еще не охватывало большинство сфер человеческого общежития, оставляя их регулирование нормам обычного права и на усмотрение территориальных общин. Соответственно, определенные элементы — возраст совершеннолетия, участие в наследовании, способы ускорения социализации — не входят в сферу государственного регулирования. Своеобразным критерием этого типа отношений выступает динамика дифференциации санкций за совершение преступлений по возрасту субъекта.

Еще одним из проявлений зачатков формирующегося интереса государства к молодежи именно как к объекту, на который оказывается целенаправленное воздействие, является сфера образования [9, с. 35–37]. Здесь известная динамика

отмечается в связи с появлением интереса органов государственной власти к повышению образовательного уровня социальных слоев, из которых традиционно производилось рекрутирование ряда категорий управленцев [10, с. 190–194].

В 1631 г. в Киеве открылось первое учебное заведение доуниверситетского типа — Киево-Могилевская коллегия [16, с. 23]. Образование в ней не носило строго профессионально-религиозного характера, и выпускники могли занимать не только церковные, но и светские должности. В 1665 г. в Москве царем Федором Алексеевичем, отцом Петра I, основана Славяно-греко-латинская академия как первое в стране высшее учебное заведение университетского типа. На практике академия стала специальным учебным заведением богословской направленности, комплектуемой на всесословной основе, хотя и с преобладанием детей священнослужителей.

Появление разнообразных школ нового типа готовило почву для появления в России высших учебных заведений. Фактически еще до начала системных реформ Петра I в России на рубеже XVII–XVIII вв. было положено начало формированию различных отраслей высшего университетского образования — технического и естественнонаучного.

Эпоха петровских преобразований не привела к кардинальному перелому в организации системы высшего образования в России, так как внедрение светской школы европейского образца при Петре I оказалось крайне сложным, малоэффективным, вызвавшим сопротивление и отторжение российского общества. В итоге результат был недолговечным. Вместе с тем в данный период гораздо более популярными и востребованными были духовные школы. К 1738 г. в России было 17 семинарий, где было 2589 учеников. Основу среднего образования составляли епархиальные училища, учрежденные еще при Петре I по образу и подобию европейских средних учебных заведений. Соответственно, говорить о складывании студенчества в России как значимой социальной страты применительно к данной эпохе явно преждевременно.

Таким образом, петровский период в развитии системы российского образования характеризовался прежде всего созданием учебных заведений, ориентированных на подготовку необходимых различным сферам государственного управления кадрам в новых областях знания. Однако ни их количество, ни численность обучаемых и тем более их доля даже в городском населении России не позволяют говорить о складывании новой социальной группы, требующей дополнительной специализации государственного управления. По-прежнему зачаточные элементы государственной политики по отношению к молодежи отмечаются только применительно к правящему слою дворян.

Новый период в развитии системы российского специального и общего образования наступил с приходом на смену сословной и узкопрофессиональной школе первой половины XVIII в. общеобразовательных учебных заведений, ориентированных на достижение общепедагогических целей [13, с. 257], что относится к царствованию Екатерины II и приходится на последние десятилетия XVIII в.

При Екатерине II в России впервые появилась единая система государственных учебных заведений с общей методикой и организацией учебного процесса. Таким образом, началось формирование двухступенчатой системы бесплатных, всесословных «главных народных училищ» в губернских центрах и «малых народных училищ» в уездных городах. Оценивая эти начинания в сфере организации системы народного образования, нельзя не отметить их исключительно светский характер.

Можно сделать вывод о том, что в царствование Екатерины II была создана основа инфраструктуры, которая стала своего рода фундаментом формирования слоя образованных людей в России, а также предпринята достаточно масштабная попытка ее реализации. Если к 1782 г. во всей России было только 8 государственных

ных училищ с 26 преподавателями, обучающими около 600 учеников [там же], то в первые десятилетия XIX в. в России было уже порядка 500 светских учебных заведений с численностью учащихся от 45 до 48 тыс. В этот же период в 66 духовных семинариях и школах обучалось более 20 тыс. человек [2, с. 286].

Параллельно государственному участию в сфере как общего, так и специально-го образования сложилась гораздо более массовая система домашнего обучения. В качестве общего вывода можно говорить о том, что и при Екатерине качественного скачка в формировании студенчества как объектной основы единой государственной молодежной политики еще не происходит.

На рубеже XVIII–XIX вв. появляются первые антиправительственные молодежные общества, породившие наряду с дворянством и студенчеством новый объект регулирования государственной политики в отношении молодежи. Отечественные специалисты в области дореволюционного молодежного движения считают, что первой подобной организацией стало тайное молодежное общество «Виленская ассоциация» (70 человек), основанное в 1796 г. и имевшее четкую организационную структуру, устав и прочие признаки [17, с. 26]. Оно стало своего рода прообразом сети организаций молодежи, ориентированных на восстановление независимости Речи Посполитой и действовавшие в Литве и Белоруссии. В 1797 г. власти пресекли его деятельность.

Как о первой легитимной молодежной организации, которая была объектом при-ложения позитивной молодежной политики, можно говорить о студенческом научно-просветительском обществе «Собрание университетских питомцев». Создано оно было в 1781 г. под покровительством М. М. Хераскова. Эту дату историки МГУ традиционно считают датой рождения студенческого самоуправления в России. Этому предшествовало появление литературно-научных кружков, действовавших как на основе самоорганизации, так и на основе совместного управления. Вплоть до периода правления Александра I это была единственная легальная форма организации студенчества.

Начальный период царствования Александра I — это, несомненно, период масштабных преобразований. Из них реформа образования классифицируется как наиболее продуманная и последовательно реализованная. В ее рамках, в частности, появляется такой документ, как «Предварительные правила народного просвещения», утвержденные императором 24 января 1803 г. Согласно им народное просвещение квалифицировалось как особая часть государственного управления, которой руководил министр и правление главных училищ, создавались шесть округов, в каждом из которых открывался университет.

Разрабатывалась реформа с ориентиром на западноевропейские образцы. В основе структуры проектируемого университета лежали четыре традиционных факультета. Данная структура была реализована в России с введением в действие университетского Устава 1804 г. [15, с. 127], которым предусматривалось создание Университетского Совета, основы традиционной для Европы автономии университетов. Совет выступал также и в качестве высшей инстанции корпоративного университета. Образование в университете декларировалось как всеобщее, что отражало общую тенденцию российской системы образования. В 1801 г. был создан Дерптский (Юрьевский) университет, правовое положение которого было определено в 1802 г. Актом постановления для Императорского университета в Дерпте. Университет находился под руководством созданного Манифестом 8 сентября 1802 г. Министерства народного просвещения [17, с. 33].

Однако в целом в начале XIX в. университетское образование в России по-прежнему находилось в зачаточном состоянии. Катастрофически не хватало высококвалифицированных преподавателей, и прежде всего профессоров, необходимых для создания кафедр в структуре университетов. В общей сложности на всех

факультетах в 1808 г. в Московском университете училось 135 студентов. Через 10 лет их численность выросла, достигнув 700–900 человек. Новые университеты, основанные в начале XIX в. в таких городах, как Петербург, Харьков и Казань, в первые годы своего возникновения насчитывали менее сотни студентов. Общее число обучающихся на всю Россию не превышало тысячи человек. Преподавало в университетах 108 профессоров из 177 человек общей численности преподавательского состава [15, с. 34]. Реальная, а не номинальная своего рода «русификация» преподавательского состава была завершена только во второй половине XIX в. [7, с. 28].

С начала XIX в. в России начинается процесс формирования единой системы среднего и высшего образования в рамках уже существовавшей общеевропейской схемы. Гимназическое образование в своих базовых учебных программах ориентировалось на французские и немецкие образцы. Учебный план ориентировался на планы французских лицеев, взятые в качестве образца [3, с. 71].

Известная либерализация внутренней политики и законодательства первых лет царствования Александра I тяготело к восприятию французских моделей. «Предварительные правила народного просвещения», принятые 24 января 1803 г., были составлены под влиянием французских образцов времен Великой революции. В первом параграфе «Правил» указывалось, что «народное просвещение в Российской империи составляет особенную государственную часть, вверенную министру сего отделения и под его ведением распоряжаемую Главным училищ Правлением».

Параллельно шли и процессы самоорганизации студенчества. В Царстве Польском, Белоруссии и Литве возникают студенческие общества сепаратистско-националистической направленности.

Активизация националистических сил, о которой стало известно правительству, вызвала к жизни указ 1822 г. Этим документом был введен запрет на создание тайных организаций в Царстве Польском, Белоруссии и Литве. В июне 1823 г. в Вильно под руководством сенатора Н.Н. Новосильцева была создана особая комиссия по проблемам, связанным с деятельностью молодежных организаций на территории Виленского учебного округа. Эту комиссию можно считать своего рода предтечей специализированных органов государственной власти, реализующих в данном случае негативную государственную молодежную политику [12]. В результате работы комиссии осенью 1824 г. были преданы суду с последующим осуждением к тюремному заключению и ссылке более 100 студентов университета [4, с. 104].

В период царствования Николая I была проведена содержательная ревизия действовавших образовательных программ. Базовым трендом в развитии системы образования стало развитие классического образования, основанного на изучении древних языков — греческого и латыни, по английскому образцу.

Одновременно были фактически подавлены все структурированные тайные общества, идея которых продолжала существовать в разрозненных узких кружках вокруг отдельных личностей. Но в целом этот период характеризуется доминированием негативной молодежной политики. Хотя имели место и определенные отклонения от некой базовой идеи укрепления порядка.

По социальному составу среда студентов уже не была дворянской, дворян в Московском университете было около трети. Большой процент составили разночинцы, официально в социальную группу не оформленные. Таким образом, студенчество окончательно складывается как внесословная группа и объективно, в силу политической активности молодежи, становится важным объектом регулирования со стороны государственной власти [8, с. 186–187].

Мощным стимулом к качественному скачку на пути возникновения единой общегосударственной молодежной политики в России стали Великие реформы 1860-х гг.,

когда был запущен процесс стремительной персонализации российского социума. Это стало причиной обращения институтов государственной власти к идее увеличения степени управляемости новыми социальными группами в контексте укрепления государственной системы управления [11].

За университетами признавалось право автономного управления, было значительно увеличено финансирование преподавания и научных исследований как фундаментального, так и прикладного характера, поощрялась самостоятельность в проведении лекций, создавалась система внутренней и зарубежной подготовки выпускников вузов для подготовки к профессорскому званию. Обретение университетами известной свободы в организации внутренней жизни вуза, преподавания и научных исследований дало мощный импульс расцвету русской науки в последующие десятилетия [7, с. 24].

На это же время пришелся и стремительный рост удельного веса молодежи в структуре населения страны. Так, в пореформенной России удельный вес населения в возрасте от 10 до 30 лет достигал 60%. Это становилось базой не только студенчества, но и тех социальных групп, которые отличались наибольшей степенью социальной активности во второй половине XIX в. [19, с. 54]

Однако, несмотря на низкий среднестатистический показатель, можно говорить о том, что именно в этот период количественный рост студенчества, его место в общественной жизни страны, оценка властью степени его лояльности, перспективы развития дают синергетический эффект возникновения нового качества государственной молодежной политики.

Исходя из указанного исторического контекста, в России до возникновения студенчества — новой внесословной социальной группы в составе российского общества — политика государства в отношении молодежи осуществлялась по сословному принципу, и поэтому она может быть обозначена как сословная молодежная политика.

Таким образом, проблему формирования и реализации государственной молодежной политики в России целесообразно рассматривать в неразрывном единстве с основными историческими закономерностями функционирования социальной действительности, с логикой развития российского общества — это, во-первых. Во-вторых, диалектика взаимосвязи развития общества и качественного состояния молодежной политики обуславливает необходимость выработки приоритетов в ее освоении, поэтому нам видится оправданным методологический ориентир на проведение соответствующих исследований на стыке различных обществоведческих наук. И, наконец, решение этой сложной проблемы невозможно без системного подхода к вопросу уточнения понятийно-категориального аппарата, так как иначе исходные цели, задачи и программные установки молодежной политики не будут иметь должного научного обоснования.

Литература

1. Белов Г. А. Политология. Курс лекций. М., 1996.
2. Белявский М. Т. Школа и образование. Очерки русской культуры XVIII века. Ч. 2. М., 1987. С. 258–293.
3. Высшее образование в России: Очерк истории до 1917 г. / А. Я. Савельев и др.; под ред. В. Г. Кинелева / НИИ высшего образования. М., 1995.
4. История Вильнюсского университета (1579–1979) / Отв. ред. С. А. Лазутка, В. С. Лазутка, А. Эндзинас. Вильнюс : Мокслас, 1979.
5. История СССР. Т. 1. С древнейших времен до конца XVIII века. М. : ОГИЗ, 1947.
6. Луков В. А. Теории молодежи: междисциплинарный анализ М. : «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2012.
7. Любина Г. И. Россия и Франция. История научного сотрудничества (вторая половина XIX — начало XX вв.). М. : Янус, 1996.

8. Меркулов П. А. Государственная молодежная политика дореволюционной России 1649–1917 гг.: от Соборного уложения до целевых проектов социализации. Брянск : ГУП «Брянское областное полиграфическое объединение», 2011.
9. Меркулов П. А. Государственная молодежная политика России — исторические этапы формирования. СПб. : Издательский дом «Алеф–Пресс», 2013.
10. Меркулов П. А. Исторический опыт разработки и реализации государственной молодежной политики в России (2-я пол. XIX в. — нач. XXI в.). Орел : Изд-во ОФ РАНХиГС, 2014.
11. Меркулов П. А., Елисеев А. Л. Формирование молодежной политики в Российской Федерации // Среднерусский вестник общественных наук. 2014. № 3(33). С. 301–305.
12. Меркулов П. А., Елисеев А. Л., Аронов Д. В. «Негативная молодежная политика» как составляющая государственной политики в отношении молодежи // Власть. 2015. № 2. С. 141–145.
13. Миллюков П. Н. Очерки по истории русской культуры: В 3 т. Т. 2. Ч. 2. М. : Прогресс-Культура, 1994.
14. Мишелетти М. Государственное управление в демократическом обществе. СПб., 1998.
15. Очерки русской культуры XIX в. Культурный потенциал общества. Т. 3. М., 2001.
16. Панибратцев А. В. Киево-могилянская академия. Новая философская энциклопедия: в 4 т. Т. 4. М. : Мысль, 2000.
17. Полищук Е. Н. Организационно-правовое регулирование молодежного движения в дореволюционной России: дис. ... к. ю. н. СПб., 2011.
18. Сморгун Л. В. Сравнительная политология: Теория и методология измерения демократии. СПб., 1999.
19. Урланис Б. Ц. История одного поколения. Социально-демографический очерк. М. : Мысль, 1968.
20. Lunn J., Wildawsky A. Public Administration: The State of Discipline. Chatham, New York : 1990.
21. Osborne D., Gaebler T. Reinventing Government. NewYork : 1992.

References

1. Belov G. A. *Political science* [Politologiya]. Course of lectures. M., 1996. (rus)
2. Belyavsky M. T. *School and education. Sketches of the Russian culture of the XVIII century* [Shkola i obrazovanie. Ocherki russkoi kul'tury XVIII veka]. Part 2. M., 1987. P. 258–293. (rus)
3. *The higher education in Russia: A history sketch until 1917* [Vysshee obrazovanie v Rossii: Ocherk istorii do 1917 g.] / A. Ya. Savelyev etc.; Under the editorship of V. G. Kinelev / Research Institute of the higher education [NII vysshego obrazovaniya]. M., 1995. (rus)
4. *History of the Vilnius University (1579–1979)* [Istoriya Vil'nyusskogo universiteta (1579–1979)] / Ex. edition of S. A. Lazutka, V. S. Lazutka, A. Endzinas. Vilnius : Mokslas, 1979. (rus)
5. *History of USSR. V. 1. Since the most ancient times until the end of the XVIII century* [Istoriya SSSR. T. 1. S drevneishikh vremen do kontsa XVIII veka]. M. : OGIZ, 1947. (rus)
6. Lukov V. A. *Theories of youth: interdisciplinary analysis* [Teorii molodezhi: mezhdistsiplinnyi analiz]. M. : «Canon +» ROOI «Rehabilitation», 2012. (rus)
7. Lubina G. I. *Russia and France. History of scientific cooperation (second half XIX beginning of the XX centuries)* [Rossiya i Frantsiya. Istoriya nauchnogo sotrudnichestva (vtoraya polovina XIX — nachalo XX vv.)]. M. : Janus, 1996. (rus)
8. Merkulov P. A. *State youth policy of 1649–1917 of pre-revolutionary Russia: from the Cathedral code to target projects of socialization* [Gosudarstvennaya molodezhnaya politika dorevolucionnoi Rossii 1649–1917 gg.: ot Sobornogo ulozheniya do tselevykh proektov sotsializatsii]. Bryansk : SUE Bryansk Region polygraph union [GUP «Bryanskoe oblastnoe poligraficheskoe ob"edinenie»], 2011. (rus)
9. Merkulov P. A. *The state youth policy of Russia — historical stages of formation* [Gosudarstvennaya molodezhnaya politika Rossii — istoricheskie etapy formirovaniya]. SPb. : Alef-Press Publishing House [Izdatel'skii Dom «Alef–Press»], 2013. (rus)
10. Merkulov P. A. *History experience of development and realization of the state youth policy in Russia (2nd half of XIX century — the beginning of the XXI century)* [Istoricheskii opyt razrabotki i realizatsii gosudarstvennoi molodezhnoi politiki v Rossii (2-ya pol. XIX v. — nach. XXI v.)]. Orel : Publishing house of Orel branch of the RANEPa [Izd-vo OF RANKhiGS], 2014. (rus)
11. Merkulov P. A., Yeliseev A. L. *Formation of youth policy in the Russian Federation* [Formirovanie molodezhnoi politiki v Rossiiskoi Federatsii] // Central Russian Messenger of Social Sciences [Srednerusskii vestnik obshchestvennykh nauk]. 2014. N 3(33). P. 301–305. (rus)

12. Merkulov P.A., Yeliseev A.L., Aronov D.V. «*Negative youth policy*» as a component of a state policy concerning youth [«Negativnaya molodezhnaya politika» kak sostavlyayushchaya gosudarstvennoi politiki v otnoshenii molodezhi] // Power [Vlast']. 2015. N 2. P. 141–145. (rus)
13. Milyukov P.N. *Sketches on history of the Russian culture* [Ocherki po istorii russkoi kul'tury]: In 3 v. V. 2. Part 2. M. : Progress-Culture [Progress-Kul'tura], 1994. (rus)
14. Misheletti M. *Public administration in democratic society* [Gosudarstvennoe upravlenie v demokraticheskom obshchestve]. SPb., 1998. (rus)
15. *Sketches of the Russian culture of the XIX century. Cultural capacity of society* [Ocherki russkoi kul'tury XIX v. Kul'turnyi potentsial obshchestva]. M., 2001. (rus)
16. Panibrattsev A.V. *Kyiv-Mohyla Academy. New philosophical encyclopedia* [Kievo-mogilyanskaya akademiya. Novaya filosofskaya entsiklopediya]: in 4 v. V. 4. M. : Thought [Mysl'], 2000. (rus)
17. Polishchuk E.N. *Organizational and legal regulation of the youth movement in pre-revolutionary Russia* [Organizatsionno-pravovoe regulirovanie molodezhnogo dvizheniya v dorevolutsionnoi Rossii]. Dissertation. SPb. : 2011. (rus)
18. Smorgunov L.V. *Comparative political science: Theory and methodology of measurement of democracy* [Sravnitel'naya politologiya: Teoriya i metodologiya izmereniya demokratii]. SPb. : 1999. (rus)
19. Urlanis B. Ts. *History of one generation. Social and demographic sketch* [Istoriya odnogo pokoleniya. Sotsial'no-demograficheskii ocherk]. M. : Thought [Mysl'], 1968. (rus)
20. Lunn J., Wildawsky A. *Public Administration: The State of Discipline*. Chatham, New York : 1990.
21. Osborne D., Gaebler T. *Reinventing Government*. NewYork, 1992.